

(стр. 6). Эта задача не только почтенная, она — насущна для русскаго политическаго самосознанія. Къ сожалѣнію, конкретное выполненіе этой задачи ни въ малой мѣрѣ не удовлетворяетъ жгучей потребности руссійской гражданственности. Несмотря на всю занимательность перваго тома «Архива», онъ слѣдуетъ какъ разъ тому, отъ чего предостерегаетъ составитель предисловія: авторы не столько осмысливаютъ событія, сколько ищутъ правыхъ и виноватыхъ.

Поменьше-бы гнѣва и страсти и побольше разума и пониманія!

Маркъ Вишнякъ.

Юрій Никольскій. — ТУРГЕНЕВЪ И ДОСТОЕВСКІЙ.
(Исторія одной вражды). Софія. 1921.

Въ текущемъ году исполняется 100 лѣтъ со дня рожденія и 40 лѣтъ со дня смерти Ф. М. Достоевскаго. Судьба хотѣла, чтобы юбилейный годъ творца *Бѣсовъ* совпалъ съ торжествомъ «бѣсовъ» въ Россіи. Развалившаяся страна и изгнанная интеллигенція не въ силахъ почтить должнымъ образомъ память пророка русской революціи. Этимъ, конечно, объясняется, что юбилейная литература о Достоевскомъ такъ немногочисленна.

Все, что мы можемъ отмѣтить, это: Dostojewski geshildert bei seiner Tochter, A. Dostojewski, Berlin*), 1920; этюдъ Ю. Н. Никольскаго, о которомъ будетъ рѣчь въ данной замѣткѣ; печатающійся словарь къ твореніямъ Достоевскаго, составленный Митрополитомъ Антоніемъ (Храповицкимъ) и наконецъ *Quelques lettres de Dostojewski et Turgenev*, par A. Mazon въ выходящемъ на-дняхъ въ свѣтъ первомъ томѣ поваго журнала *Revue des études slaves*. Вотъ и все, если не считать небольшого фельетона Н. Минскаго въ «Послѣднихъ Новостяхъ» въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ, гдѣ авторъ со словъ Тургенева рассказываетъ о томъ, какъ Достоевскій приходилъ къ нему исповѣдываться.

Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ любовно и интересно составленный очеркъ г. Ю. Никольскаго, гдѣ, на ряду съ обзорѣніемъ всего фактическаго матерьяла объ отношеніяхъ Тургенева и Достоевскаго, дана попытка объясненія вражды этихъ замѣчательныхъ людей.

---

*) Книга была написана по-французски, но не нашла себѣ издателя во Франціи и была переведена съ рукописи на нѣмецкій языкъ.

Отношенія эти уже многократно изучались. Былъ собранъ обширный фактический матерьялъ, сюда относящійся, и послѣ работъ Н. М. Гутъяра (И. С. Тургеневъ, Юрьевъ, 1907) и Ив. Иванова (И. С. Тургеневъ, Нѣжинъ, 1914), трудно было-бы ожидать обнаруженія новыхъ значительныхъ фактовъ.

Оставались неопубликованными письма Достоевскаго къ Тургеневу отъ 1863-67 гг., относящіяся къ періоду наиболѣе дружественныхъ отношеній между обоими писателями. Ихъ опубликованія добивался въ свое время О. Миллеръ, объ ихъ сокрытіи сожалѣеть г. Ю. Никольскій (стр. 16). Отъ ихъ появленія ожидали многого, и интересъ къ нимъ былъ подогревъ самимъ Тургеневымъ, заявившимъ въ письмѣ къ Милутиной (1872 г.): «я храню эти письма, и было-бы забавно опубликовать ихъ, но онъ (т. е. Достоевскій) хорошо знаетъ, что ничего подобнаго я не сдѣлаю»...

Теперь благодаря г. А. Мазону письма эти вышли изъ-подъ спуда. Въ нихъ есть кое-какія интересныя сужденія объ эпохѣ и о литературѣ; много, какъ и всегда во всѣхъ письмахъ Достоевскаго, жалобъ на безденежье и на неудачи; выпрашиванія у Тургенева какого-нибудь произведенія для журнала Достоевскаго *Эпоха* и въ связи съ тѣмъ завѣренія въ дружбѣ и похвалы «Призракамъ», которыя появились въ 1-2 книжкахъ *Эпохи* за 1864 г. Интересно сопоставить эти похвалы съ иными сужденіями о томъ-же произведеніи въ «Бѣсахъ», гдѣ Кармазиновъ читаетъ свой рассказъ «Мегсі», пародирующій, какъ извѣстно, Тургеневскіе «Довольно» и «Призраковъ». — Но все это ничего не измѣняетъ въ самой сути дѣла.

Ю. Никольскій еще разъ изложилъ все, что намъ извѣстно объ отношеніяхъ Тургенева и Достоевскаго, и констатировалъ, что «смыслъ этихъ отношеній понять не былъ. Къ нимъ подходили очень субъективно. Либо слишкомъ довѣрялись Тургеневу и все сваливали на дурной характеръ Достоевскаго, либо давали одни только матерьялы».

Авторъ подошелъ къ этимъ отношеніямъ по-новому, и какъ намъ кажется, съ единственно правильной стороны. Для него вражда Т. и Д. есть конфликтъ двухъ натуръ, психологически совершенно чуждыхъ другъ другу и во многомъ, если не во всемъ, противоположныхъ.

Подобный конфликтъ былъ неизбеженъ, какъ неизбежно было напр. столкновеніе того-же Тургенева съ Толстымъ. Также столкнулись-бы когда-нибудь Толстой и Достоевскій, если-бы судьбѣ угодно было свести ихъ и тѣмъ самымъ доставить намъ печальнѣйшее зрѣлище вражды двухъ величайшихъ русскихъ людей.

При такой постановкѣ задачи, вопросъ о формахъ конфликта, о мелкихъ выпадахъ и выходкахъ съ той-ли, съ другой-ли стороны принимаетъ сравнительно второстепенное значеніе. Многое могло

зависть отъ случайныхъ обстоятельствъ; кое-что отъ общаго тона тогдашнихъ журнальныхъ и литературныхъ нравовъ, что оставляли многого желать; не нужно конечно упускать изъ виду и личныя черты характера, и воспитанія, какъ вялаго, безвольнаго и скептическаго Тургенева, такъ и страстнаго, гнѣвнаго, болѣзненнаго и пламенно вѣршаго и вѣрующаго Достоевскаго.

Очеркъ Ю. Никольскаго нужно привѣтствовать именно за стремленіе перенести вопросъ изъ круга интригъ, сплетень, мелкой вражды и доносовъ, въ иную плоскость, гдѣ нѣтъ по существу ни правыхъ ни виновныхъ, гдѣ, какъ въ настоящей трагедіи, завязка и развязка дѣйствія происходятъ за предѣлами человѣка.

«Онъ (т. е. Тургеневъ) слишкомъ оскорбилъ меня своими убѣжденіями» — заявляетъ Достоевскій послѣ баденскаго свиданія. Тутъ ключъ ко всей драмѣ, начавшейся еще давно, въ годы первыхъ встрѣчъ молодыхъ писателей, когда Тургеневъ явилъ надъ «молодымъ пыщемъ» и послѣдней сценой которой было письмо Тургенева къ Салтыкову (1882 г.), гдѣ онъ писалъ о Достоевскомъ: «и какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де-Садѣ всѣ россійскіе архіереи совершали панихиды и даже предики читали о вселюбви этого всечеловѣка. — Поистинѣ въ странное живемъ мы время»...

Трагическая сущность Достоевскаго и его твореній была совершенно чужда лирическому Тургеневу, съ его грустной ренѣнціей и безволіемъ. Ему эстетически нравятся нѣкоторыя сцены изъ Записокъ изъ Мертваго Дома, нравится первая часть Преступленія и Наказанія, гдѣ нѣтъ «самоповырянія», какъ во второй. Ю. Никольскій полагаетъ, что первая половина романа потому и пришлась по вкусу Тургеневу, что тамъ рѣчь идетъ о человѣкѣ, потерявшемъ свою волю и захваченномъ неумолимыми чуждыми силами. Вѣдь и сущность Тургеневскихъ героевъ тоже обычно безволіе. Интересно отмѣтить, что выполненіе фигуры Кармазинова его сперва позабавило и эстетически-же понравилось. Но потомъ онъ всполошился, струхнулъ: Достоевскій «представилъ меня...тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи»... говорилъ онъ.

Тѣ убѣжденія, которыя такъ оскорбили Достоевскаго, во время баденскаго свиданія (1867 г.), а также и въ 6 рѣчахъ Потугина изъ «Дыма», сводятся къ тремъ главнымъ пунктамъ. Это Тургеневскій *атеизмъ*, *руссофобство* и *германофильство*.

Достоевскому, человѣку «одной идеи», человѣку пророческаго наѣса — не только непонятенъ, но и нестерпимъ былъ грустный агностицизмъ Тургенева и его историческое христіанство. Непонятна ему была и та покорная грусть, съ которой Тургеневъ прицѣпился къ чужой странѣ, съ которой связывало его давнее чувство благодарности за науку и за воспитаніе и за молодые

годы. Я «баденскій буржуа», говорилъ самъ о себѣ Тургеневъ и бояивался жить въ Россіи, гдѣ рисковалъ нарваться на какое-нибудь оскорбительное одобреніе со стороны какого-нибудь генерала, гдѣ и общее неустройство, даже грязь разстраивали его натуру, любившую опрятность; да и гдѣ къ тому-же онъ былъ-бы такъ далекъ отъ другого тоже «чужого гнѣзда», семьи М-me Viardot.

Достоевскому, прошедшему сквозь весь ужасъ николаевской каторги, нечего было бояться, что «Россія расплывется въ грязи», ни ея «газообразности». Его огненная вѣра спасала его отъ подобныхъ опасеній.

Что-же касается обвиненій Тургенева въ руссофобствѣ, то, конечно, они не выдерживаютъ серьезной критики. Въ словахъ Потугина больше горя, чѣмъ злобы. Но такъ любить, съ оглядкой, на половину, Достоевскій не хотѣлъ и не умѣлъ. Онъ принималъ всю Россію такъ, какъ она есть, — и если теперешняя Россія могла-бы показаться Потугину «расплывшейся въ грязи», исчезнувшей изъ міровой семьи безъ всякихъ слѣдовъ, то едва ли бы такъ же взглянулъ на нее и Достоевскій. Его глубочайшая вѣра въ Россію и въ Бога и тутъ спасла-бы его отъ отчаянія.

Но тотъ-же Достоевскій, что былъ столь чуждъ психологически Тургеневу, высоко цѣнили его произведенія и еще въ дневникѣ писателя горячо рекомендуетъ его молодежи и ставитъ непосредственно послѣ Пушкина и Гоголя. Рудинъ былъ одинъ изъ любимыхъ типовъ Достоевскаго, когда тотъ говорилъ о русскомъ человѣкѣ, какъ всемірномъ странникѣ.

Въ своей Пушкинской рѣчи Достоевскій называлъ Лизу Калинину высшимъ типомъ русской женщины, и тронутый Тургеневъ послалъ ему со своего мѣста воздушный поцѣлуй.

Интересенъ въ книгѣ анализъ Кармазинова, этого гипертрофизированнаго портрета Тургенева, и «Мерсі», гдѣ авторъ восходитъ къ первоисточникамъ пародіи и даетъ синтетическую картину того, чѣмъ «казался» Достоевскому Тургеневъ.

Пр.-доц. Сергій Карцевскій.
